

предмета к такому результату, который, по словам Маркса, будет истинным лишь в том случае, если истинен и путь, ведущий к нему. Вот почему марксистско-ленинская методология в неразрывном единстве с идеологией — единственно верный путь к наилучшим результатам в любой сфере деятельности человека, в том числе и в сфере литературно-критической. Этот путь, пишет А. Зис, нельзя заменить или подменить какими-то боковыми тропами, вроде семиотики или структурализма в исследовании поэзии и прозы. Ибо критика в наше время в известном смысле может и должна рассматриваться как наиболее «горячая точка» целого комплекса научных дисциплин, исследующих прошлое и настоящее художественно-творческого процесса и самую суть литературных произведений.

В связи со всем сказанным необходимо добавить, что А. Зис обращает внимание и на следующее обстоятельство: обостренная идеологическая борьба на современном этапе приводит к тому, что предметом этой борьбы становится как сама литература или само искусство, так и важнейшая форма их самосознания — художественная критика... Предположим, высказывается «безобидная» мысль, что да, конеч-

без пафоса?.. Оказывается, нет, ибо то, что не дано чувству, вообще не вычленивается из произведения — так сказал А. Шлегель. И далее следует вывод автора книги: поэтому идеальным критиком является критик, обладающий сильным эмоциональным восприятием, умеющий со свойственным ему пафосом убеждать и других в своей правоте.

Второй закон критики повелевает выбирать достаточно высокую точку зрения и достаточно широкий горизонт для обоснования критических суждений. Почему столь непреложен этот закон сегодня?.. Да потому, что критика вводит в общественное сознание эпохи новое художественное содержание. И в этом смысле, как справедливо отмечает А. Зис, она как бы «дописывает» произведение, завершает его. Вот почему известная еще в начале прошлого века формула, гласящая, что критик должен понять автора лучше, чем он сам себя понимал, действительна и в наши дни. И такое своеобразное «соавторство», конечно же, далеко отстоит от иллюстрирования художественными примерами простой злобы дня. Как далеко отстоит и стенографическая запись «просто» переживаний при чтении конкретной вещи от ее глубокого осмысления, от ее включения в систему эстетических воззрений художника. Только вступив на истинный путь познания творческого опыта художника и всего художественного универсума эпохи, только выбрав достаточно высокую точку зрения и для обзора, и для изучения предмета исследования, критик может рассчитывать на успех.

...Довольно странным анахронизмом в наше время выглядит бы когда-то широко бытовавшее утверждение, что критика — «вспомогательный» жанр в ряду таких «ведущих», как поэзия или проза. Сюжет о критике и критиках в монографии А. Зиса — это умно и талантливо раскрытая сфера духовной деятельности человека, которая, конечно же, является сферой сложной, и

ОДНАЖДЫ мне попалась на глаза следующая фраза: «Критик — тот же читатель, но записывающий свое прочтение текста...». По первому взгляду, довольно убедительно и даже броско. Однако, вдумываясь в эту фразу, я почувствовал, как во мне нарастает скрытое недовольство самим собой, своей первоначальной доверчивостью. Ибо критик — не «просто» читатель, записывающий свое прочтение или свое понимание текста, он творит вторую художественную реальность, вторую жизнь произведений искусства. И роль критика в настоящее время отождествляется с общественным мнением и общественным пониманием искусства слова. Для «просто» читателя такая роль непосильна. Ведь только литературно-художественная критика в едином целом своем может обладать уникальным умением обнажать глубинный общественный смысл проблем и событий, отраженных в литературе, но имеющих место и в самой жизни. И в этом своем качестве критика может и должна помочь движению духовной жизни народа — об этом говорил К. У. Черненко на юбилейном пленуме правления СП СССР.

Да и вообще с позиций «просто» читательского вкуса и суждения нужна ли, необходима ли критику теория искусства или такая важнейшая научная дисциплина, как эстетика?.. Равно как и эстетике нужна ли поверхностная и вкусовая оценка каких-то сложнейших явлений литературы?

...Внутренне болея всеми этими вопросами, я некоторое время назад в Доме книги одного областного центра купил последний — уже с витрины — экземпляр монографии известного советского эстетика и философа А. Зиса. «Эстетика: идеология и методология» — так называлась эта монография.

В просторном и пустынном зале у меня было время, и я перелистал книгу; выхватив глазом какие-то строчки, сразу же почувствовал, что это именно то, что мне надо сейчас, и надо, как никогда прежде. Позднее, уже прочитав работу А. Зиса, я различил в ней отдельные сюжеты, которые, развиваясь и взаимообогащая друг друга, создавали плотную ткань — скажу так! — научного повествования. И это повествование захватило меня целиком и полностью, и не только ясностью и четкостью мысли, силой аргументов, новизной многих положений, но и той доверительно-убедительной интонацией, которая отнюдь не противолоказана даже самому выдающемуся ученому-эрудиту.

Правда, лично для себя я изо всех других особо выделил один сюжет, а именно — критический. Иначе говоря, сюжет, который возник в результате размышлений автора о статусе критики в системе и общечеловеческих, и наших современных культурных ценностей и свершений.

Однако вначале об основе основ всякого гуманистического познания — о методологии и идеологии, которые, как пишет А. Зис, никоим образом нельзя отделять друг от друга. Ведь методология — зеркало, позволяющее идти от

Валерий
ДЕМЕНТЬЕВ

ВСЕГО ОДИН СЮЖЕТ...

ЭССЕ ОБ ЭСТЕТИКЕ

но же, марксистско-ленинская методология помогает критику успешно решать социальные вопросы, но вот что касается вопросов поэтики, то это ей не дано. По сходному поводу В. И. Ленин говорил, что здесь делается попытка убить марксизм посредством мягкости.

Критический сюжет в книге А. Зиса важен и ценен своей актуальностью, идейной заостренностью. Он важен и ценен ретроспективным взглядом — взглядом в прошлое, во времена романтиков начала XIX века, когда критика впервые стала мыслиться как среднее, связующее звено между историей и философией, когда она оказалась нацеленной против просветительской критики, которая была лишь комментарием к произведениям.

Вообще такое обращение к прошлому — к истокам формирования критики как искусства и как науки — необычайно важно в структуре всей книги. Да и написан этот исторический раздел — не подберу другого слова — мастерски.. Ибо автор постоянно держит в виду положение дел в нашей современной критике, хотя нигде не впадает ни в поучение, ни в осозременивание фактов и явлений той в общем-то отдаленной литературной эпохи. В самом деле, разве не современно звучит, предположим, такой закон критики, который предписывает автору правильно соотносить эмоции и суждения, соизмерять свой душевный порыв, свой пафос с фактурой произведения, которое он, критик, должен перевести на язык понятий? Но, может быть, в таком случае лучше обойтись вообще без эмоций,

ответственной, и трудоемкой, никакой иной. Тем более сейчас, когда растет лавинообразный поток открытий, сведений, фактов, когда столь же неизменно расширяются «горизонты ожидания» читающей публики, возрастает ее осведомленность, ее информативная насыщенность. И критика как особого рода словесное искусство должна раньше других замечать все идейно зрелое, все истинно художественное и новаторское.

Вот эта забота об идейном и художественном потенциале современной литературы и современного искусства, забота об их новаторской сущности отчетливо проступает и проявляется на многих страницах монографии. А для того, чтобы «видеть грядущее въявь», как сказал поэт, необходимо постоянно, может быть, истово изучать сегодняшний многогранный художественно-творческий процесс, изучать его и влиять на него своими средствами, своим публицистически страстным словом. При этом критику весьма опасно подменять некими «мыслимыми комбинациями» то реальное содержание творчества, которое как бы мгновенно испаряется, утрачивая красоту и выразительность, утрачивая способность эстетического воздействия на других, то есть теряя нечто невосполнимое и незаменимое для искусства слова. И вот здесь-то следует едва ли не самый главный вывод, который можно сделать изо всех сюжетных линий книги.

Возрастающая роль и значение критики в нашем обществе заключается в том, что именно критика раскрывает как идейно-эстетическое содержание в искусстве и литературе, так и социальные проблемы, поставленные самой жизнью. Тем самым критика способствует переориентации общественного сознания на новую, более высокую ступень, мобилизует духовные и морально-этические силы общества для движения вперед.